

Джон Диксон Карр

ОКНО ИУДЫ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE JUDAS WINDOW
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1938
DEATH IN FIVE BOXES
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1938
THE READER IS WARNED
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1939
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Ирины Иванченко, Кирилла Красника, Наталии Нестеровой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

План дома Флеминга в романе «Окно Иуды»
выполнен Александром Сабуровым.

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© И. В. Иванченко, перевод, 2024
© К. В. Красник, перевод, 2024
© Н. К. Нестерова, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-25420-6

ОКНО ИУДЫ

ПРОЛОГ

Что могло случиться

Субботним вечером, 4 января, молодой человек, который в скором времени собирался сыграть свадьбу, отправился в дом на Гросвенор-стрит, чтобы познакомиться с будущим тестем. В молодом человеке не было ничего примечательного, кроме, пожалуй, того, что он был немного богаче, чем большинство его сверстников. Джимми Ансвелл был высок, благодушен и белокур. Он принадлежал к тому типу легких на подъем людей, который всем по душе; злоба и зависть были ему неизвестны. Он увлекался (как мы с вами) чтением детективных историй. Иногда выпивал слишком много, иногда (как мы с вами) вел себя как последний дурак. Наконец, в качестве наследника имени покойной матери его можно было, без сомнений, причислить к достойным внимания холостякам.

Пожалуй, стоит держать в уме все эти подробности во время расследования дела об убийстве, получившем название «Раскрашенная стрела».

Вот события, которые привели к посещению дома номер двенадцать на Гросвенор-стрит. Во время рождественской вечеринки в Суссексе Ансвелл познакомился с Мэри Хьюм. Их любовная связь возникла внезапно и всерьез. Они обсуждали свадьбу уже через двенадцать часов после первой встречи, а к Новому году состоялась помолвка. Воспользовавшись случаем, кузен Ансвелла капитан Реджинальд, который познакомил влюбленных, потребовал за свои труды пятьдесят фунтов. Ансвелл выписал ему чек на сотню и в дальнейшем совершил еще не один безумный поступок в таком же роде. Мэри написала о помолвке отцу и получила от него в ответ искренние поздравления.

Что не могло не обнадежить влюбленных. Мистер Эйвори Хьюм, директор Банка столицы и округов и бывший управляю-

пций отделением этого банка в Сент-Джеймсе, не был склонен относиться к подобным вопросам легкомысленно. Можно сказать, его характер состоял в равных долях из прямоты и подозрительности, которые он неизменно проявлял с самого начала своей карьеры в небольшом фабричном северном городке. Поэтому, когда 4 января Джим Ансвелл оставил праздничную вечеринку и приехал по делам в Лондон, новоиспеченный жених решил не откладывая позвонить своему будущему тестю. Лишь одно обстоятельство оставило его в недоумении. Когда Мэри провожала его на девятичасовой поезд, он отметил необыкновенную бледность ее лица.

Джим Ансвелл размышлял об этом по пути на Гросвенор-стрит в начале седьмого вечера. Ему не пришлось звонить Эйвори Хьюму. Старик сам позвонил Джиму домой в середине дня и пригласил к себе. Хьюм был леденяще вежлив и формален, что, как смутно предполагал Ансвелл, должно было соответствовать обстоятельствам: «Учитывая все, что я слышал, полагаю, нам стоит уладить вопрос относительно моей дочери. Подойдет ли вам шесть часов вечера?»

«Я бы не назвал это приглашение дружелюбным», — подумал Ансвелл. Старик мог бы, по крайней мере, позвать его на ужин. Время было поздним, и его такси медленно продвигалось в сыром белом тумане. Ансвелл с удивлением вспоминал испуганное лицо Мэри. Черт возьми, Хьюм не мог быть настолько ужасен! А если он таким окажется, его послушный зять готов был популярно объяснить, куда конкретно этот мистер Хьюм может отправляться! Затем Ансвелл сказал себе, что все это чепуха. К чему так нервничать? В наши дни всякий, кто чувствует себя не в своей тарелке перед встречей с семьей невесты, рискует прослыть персонажем дурной комедии.

Однако то, что произошло дальше, комедией не назовешь.

Дом номер двенадцать по Гросвенор-стрит оказался точно таким, как предполагал Ансвелл: массивное строение из желтого песчаника с неуместными балкончиками. Типичный дворецкий провел его в типичный внушительный холл, заполненный тиканьем старинных напольных часов; стрелки показывали десять минут седьмого.

— Мое имя... э-э-э... Ансвелл. Мистер Хьюм меня ожидает.

— Да, сэр. Могу я взять вашу шляпу и пальто?

В этот момент, совершенно случайно, Джим обронил свою шляпу. Котелок покатился через весь холл на другую сторону. Ансвелл почувствовал, как краснеет его шея под воротничком, когда увидел себя со стороны: неуклюжий чурбан, стоящий в окружении благочинной мебели, пока невозмутимый дворецкий идет за его шляпой. Он сказал первое, что пришло на ум:

— Пожалуй, я останусь в пальто. — Выпалив эту идиотскую фразу, он добавил почти грубо: — Проводите меня к мистеру Хьюму.

— Да, сэр. Следуйте за мной.

Ансвелла проводили в комнату в задней части дома. Когда они проходили мимо высокой лестницы в центре холла, он заметил, что кто-то смотрит на него сверху; ему показалось, что он разглядел приятное лицо женщины в очках. Должно быть, то была мисс Амелия Джордан, экономка; о ней упоминала Мэри. Интересно, подумал Ансвелл, будет ли участвовать в смотринах и брат старика, доктор Спенсер Хьюм.

— ...К вам, сэр, — произнес дворецкий, открывая дверь высокой комнаты, обставленной наподобие конторы, если не считать крупного буфета у стены.

В центре помещения на современном столе с плоской столешницей горела современная настольная лампа. Два окна, закрытые железными ставнями, еще больше наводили на мысли о конторе (или банковском сейфе). В прошлом веке помещение представляло собой просторную, несколько прохладную гостиную, теперь же золотые обои были заменены на черные, а в интерьере добавлена парочка неудобных кресел. В стене напротив двери располагался камин из белого мрамора, демонстративно лишенный всякого декора. Единственное украшение, которому позволили остаться в комнате, висело над камином: три стрелы, образующие треугольник; каждая окрашена в свой цвет, на каждой вырезана дата. Оперение стрел высохло и пожухло. В центре треугольника была бронзовая табличка или медальон.

Отец Мэри поднялся из-за стола; его лицо блестело от света лампы. Похоже, он только что закрыл шахматную доску и сло-

жил фигуры в ящичек, который сейчас отодвинул от себя. Эйвори Хьюм был плотным энергичным мужчиной среднего роста, весьма бодрым для своих шестидесяти лет, с тяжелым взглядом. Остатки пепельных волос аккуратно покрывали большой череп. На нем был надет серый твидовый костюм с высоким старомодным воротничком и косо сидящим галстуком. Поначалу Ансвеллу не понравилось выражение его несколько выпуклых глаз, но вскоре он изменил свое мнение.

— Можешь идти, Дайер, — обратился Хьюм к дворецкому. — Подгони машину для мисс Джордан. — Его голос ничего не выражал. Во взгляде, брошенном на гостя, не было ни враждебности, ни радушия; он был таким же невыразительным, как голос. — Пожалуйста, садитесь. Мне кажется, нам о многом стоит поговорить.

Хьюм подождал, пока закроется дверь, затем опустился в кресло за столом и принялся изучать свои руки. У него были толстые пальцы с ровными, ухоженными ногтями. Внезапно он произнес:

— Вижу, вы разглядываете мои трофеи.

Ансвелл снова покраснел и, ощущая странное напряжение, отвел глаза от треугольника за спиной хозяина. Нижняя стрела, заметил он, была выкрашена в пыльный желто-коричневый цвет; на ней была указана дата: «1934».

— Вы увлекаетесь стрельбой из лука, сэръ?

— В детстве на севере мы стреляли из сорокафунтового лука, как здесь мальчишки играют в крикет и футбол. В этих краях, как выяснилось, стрельба из лука относится к числу модных развлечений. — Эйвори Хьюм умолк, казалось, он тщательно обдумывает каждую свою фразу, рассматривая ее со всех сторон, как люди рассматривают убранство дома; затем он продолжил своим скучным голосом: — Я состою в Королевском обществе лучников и в Обществе кентских лесничих. Эти стрелы — трофеи с их ежегодного состязания. Тот, кто первым попадет в золото...

— В золото? — переспросил гость, заподозрив в этих словах какой-то намек.

— Центр мишени. Первый попавший в золото становится Хозяином Леса на весь следующий год. За последние двенадцать

лет я победил три раза. Стрелы по-прежнему остры — ими за- просто можно убить человека.

Ансвелл подавил желание вскинуть на говорившего удивлен- ный взгляд.

— Весьма полезно, — сказал он. — Но послушайте, сэръ, что вы имеете в виду? Я пришел сюда не для того, чтобы красть лож- ки или совершить убийство, разве что это будет абсолютно не- необходимо. Дело в том, что я хочу жениться на мисс Хьюм и... ну, в общем... Как насчет этого?

— Весьма благородно с вашей стороны, — ответил Хьюм, впервые улыбнувшись. — Могу я предложить вам виски с содо- вой?

— Спасибо, сэръ, — с облегчением сказал гость.

Хьюм поднялся и подошел к буфету. Открыв графин, он раз- лил виски по двум стаканам, сильно разбавил напиток содовой и вернулся к столу.

— Позвольте пожелать вам всяческих успехов, — произнес он. Выражение его лица слегка переменилось. — Мистер Джеймс Кеплон Ансвелл. — Он произнес это имя, не сводя со своего гост- я пристального взгляда. — Буду с вами откровенен. Эта свадь- ба была бы выгодна для обеих сторон. Как вам известно, я уже дал свое согласие. У меня нет никаких возражений... — (Ансвелл пробубнил что-то неразборчивое в свой стакан.) — Я имел честь быть знакомым с покойной леди Ансвелл, и мне прекрасно из- вестно, что финансовое состояние вашей семьи не пустой звук. Поэтому я собираюсь сказать вам... Молодой человек, что с ва- ми? Вы сошли с ума?

Ансвелл увидел, как рука хозяина, державшая стакан, замер- ла на полпути ко рту, а на лице появилось выражение силь- ного испуга. Зрение Ансвелла помутилось, он почувствовал силь- ное жжение в горле, которое затем распространилось вдоль плеч и вверх, к вискам. Голова закружилась, картина утратила четкие очертания. Стол бросился на него, и Ансвелл понял, что зава- ливается вперед. В его голове, прежде чем он потерял сознание, возникла безумная догадка о том, что напиток был отравлен; од- нако ее быстро заглушил невыносимый шум в ушах.

Впрочем, ход его мыслей не прервался окончательно, даже несмотря на боль. «Напиток был отравлен» — эти слова продол-

жали вертеться в сознании, словно возвращаясь вместе с ним к жизни. Джеймс Ансвелл выпрямился, чувствуя твердую спинку кресла; его голова будто поднималась к потолку длинными спиральными витками. Он поборол подступающую тошноту, что удалось далеко не сразу, и наконец разлепил глаза, быстро заморгал под ярким светом настольной лампы.

Мгновение паники сменилось неотчетливым пониманием, где именно он находится. Затем в одно мгновение все встало на свои места. Хьюм давал ему свое благословение, когда он потерял сознание. Похоже, хозяин дома подмешал что-то в его виски. Но это не имело никакого смысла. Зачем Хьюму отравлять его напиток? И где, во имя всего святого, Хьюм находился сейчас?

Внезапно почувствовав настойчивую потребность немедленно отыскать хозяина дома, Ансвелл заставил себя подняться на ноги. Голова разрывалась на части; во рту, полном слюны, оставался сильный привкус мяты. Он придет в норму, как только с кем-нибудь *поговорит*. Ансвелл чувствовал себя так, будто опоздал на поезд или увидел хвост процессии, в которой должен был принимать участие, исчезающий в конце улицы за углом. Что произошло и сколько он пробыл в отключке? Пальто было по-прежнему на нем, и Ансвелл стал неуклюже рыться в карманах в поисках часов. Когда он вошел в дом, было десять минут седьмого. Теперь стрелки его неправдоподобных часов показывали шесть тридцать.

Он схватился рукой за стол и устался под ноги, пытаясь сфокусировать плавающий взгляд. В тот момент он заметил чью-то старомодную туфлю и несколько дюймов обтягивающего ногу носка. Ансвелл обошел вокруг стола, споткнувшись о чью-то ногу.

— Поднимайтесь! — услышал он свой голос. — Поднимайтесь, черт возьми! — Затем добавил жалобным голосом: — Встаньте с пола и скажите что-нибудь!

Эйвори Хьюм вставать не собирался. Он лежал на левом боку между окном и столом (откинута правая рука почти касалась ножки, как будто он пытался ее схватить). Ансвелл перевернул его на спину. Нечто повернулось вместе с телом, и Ансвелл резко дернулся назад. В этот момент он заметил кровь. Длинная узкая стрела торчала из груди Хьюма, погруженная в сердце на восемь дюймов. На ее конце трепетали лохматые пыльные перья.

Мужчина был мертв, но еще не успел остыть. На суровом лице застыли удивление и злоба; высокий воротник и галстук смяты, руки покрыты пылью, на правой ладони — свежая царапина.

Пытаясь встать на ноги и одновременно отпрыгнуть подальше от тела, Ансвелл повалился на спину. В этот момент он почувствовал в заднем кармане брюк под пальто некий предмет (что это было, он выяснил потом). Ситуация была невероятная: Хьюм лежал на ковре посреди своего кабинета, в перепачканном кровью пиджаке, насаженный на вертел, как цыпленок. Настольная лампа деловито освещала бумаги на столе, светло-коричневый ковер и раскрытый рот мертвеца.

Молодой человек в панической растерянности оглядел комнату. Позади него располагалась дверь. Слева — два забранных железными ставнями окна. Справа у стены стоял буфет. На стене прямо перед ним висели стрелы — теперь только две. Та, что составляла основание треугольника, с датой «1934», торчала из мистера Эйвори Хьюма. Ее древко было окрашено в пыльный желто-коричневый цвет, оперение состояло из трех перьев. Половина центрального синего пера была оторвана.

С того момента, как Ансвелл вошел в этот дом, он почувствовал: что-то здесь неладно. Его беседа с Хьюмом представлялась ему фантастичной. Седой дворецкий, большие часы, отмеряющие время в холле, женщина на лестнице — все это казалось отдельными частями ловушки, иллюзии. Кто-то пришел сюда, пока он лежал без сознания, и убил Хьюма. В таком случае где убийца находился теперь? Было очевидно, что в комнате его нет: здесь совершенно негде спрятаться, нет даже шкафа.

Пытаясь назад от тела, Ансвелл услышал громкий и настойчивый звук — то было тиканье его часов, которые он по-прежнему сжимал в руке. Он вернул их обратно в карман и направился к двери; безуспешно повернув дверную ручку несколько раз, Ансвелл осознал, что дверь заперта изнутри на засов.

Но кто-то же выбрался отсюда! Он медленно приблизился к окнам. Железные ставни на каждом окне были закрыты на плоские стальные щеколды, плотно задвинутые в пазы.

Ансвелл стал поспешно обходить комнату. Других выходов не было. Единственным предметом, который он не заметил прежде, был электрический обогреватель, стоящий за решеткой бе-

ломраморного камина. Через каминную трубу невозможно ни попасть в комнату, ни выйти из нее: дымоход казался не толще дюйма и был покрыт толстым слоем непотревоженной сажи. Ансвелл вдруг почувствовал, как ему жарко в пальто (будто на него дохнуло огнем из камина). Неужели Хьюм покончил с собой, сойдя с ума и решив исполнить причудливый танец смерти, чтобы повесить убийство на другого (расхожий сюжет в книжках, которые любил читать Ансвелл)? Чепуха! Тогда единственным подозреваемым был...

Разумеется, никто не поверит в то, что *он* это сделал? Зачем ему убивать Хьюма? К тому же он мог легко объясниться: ему подмешали что-то в напиток. Ансвелл не заметил, как это сделал Хьюм, однако виски наверняка был кем-то отравлен. Он мог это доказать. Пришла абсолютно ясная мысль: свой виски он не допил. Когда первая волна накрыла его, Ансвелл машинально поставил стакан на пол возле своего кресла.

Он поспешил взглянуть на то место, но стакан исчез, и Ансвелл нигде не смог его найти. Стакан, из которого пил Хьюм, тоже пропал.

С легким, несколько неопределенным чувством страха Ансвелл внимательно осмотрел буфет, обнаружив хрустальный графин с виски, сифон с содовой и четыре высоких стакана. Графин был наполнен до самой крышки; ни капли содовой не покидало, казалось, сифона; четыре стакана были чисты, прозрачны и, очевидно, никем не использовались.

Позже он припомнил, что в тот момент произнес вслух какие-то слова, не понимая их смысла, просто чтобы заглушить свои мысли, как будто разговаривая, он перестал бы размышлять. Однако размышлять было необходимо. Время не стояло на месте: он все еще слышал тиканье часов. Если дверь и оба окна закрыты изнутри, значит он единственный человек, который мог убить Хьюма. Казалось, его любимые романы превратились в ночной кошмар. Полиция реального мира ни за что не поверит в его невиновность — его повесят. Легко рассуждать о хитрых приспособлениях, с помощью которых запирают дверь изнутри, оставаясь при этом снаружи; он понимал, что на самом деле это невозможно.

Однако Ансвелл снова отправился взглянуть на дверь. Она была сделана из добротного тяжелого дуба и плотно сидела в дверном проеме, так низко, что при открытии царапала пол. Даже замочная скважина отсутствовала: раньше комнату закрывали на американский замок, который, однако, был теперь сломан и застыл в позиции «открыто». Дверь же была заперта на длинный тяжелый засов, настолько тугой (использовали его довольно редко), что Ансвеллу потребовалось потом приложить серьезное усилие, чтобы сдвинуть его с места.

После исследования засова Ансвелл принялся изучать свою правую руку. Он несколько раз сжимал и разжимал кулак, затем подошел к лампе, чтобы лучше видеть. Пальцы и ладонь были покрыты серой пылью, которая, когда он сжимал кулак, становилась шершавой, как песок. Откуда она взялась? Ансвелл точно знал, что не трогал ничего пыльного с тех пор, как зашел в комнату. Тут он вспомнил о предмете в заднем кармане брюк, однако не стал его доставать в полуосознанном страхе перед тем, что мог обнаружить. Затем он снова посмотрел на мертвеца, лежащего в гипнотическом свете настольной лампы.

Стрела, много лет висевшая над камином, вся покрылась серой пылью, за исключением узкой линии на той стороне, которая, очевидно, была прижата к стене. В одном месте, однако, пыль была стерта — примерно на середине древка. Склонившись над телом, Ансвелл заметил на стреле четкий отпечаток пальца. Невольно он перевел взгляд на свою ладонь, держа ее перед собой, будто после сильного ожога.

И в этот самый момент, рассказывал он, в его сознании забрежила догадка, что именно мог означать тот телефонный звонок, а также бледность на лице Мэри, некоторые разговоры в Суссексе и торопливое письмо, написанное накануне вечером. То было лишь промелькнувшее облако или призрак, прозвучавшее имя, которое он пропустил мимо ушей. Он чувствовал себя абсолютно потерянным, находясь в кабинете Эйвори Хьюма, стоя над телом Эйвори Хьюма, ибо в этот момент возникли иные, более важные обстоятельства, требующие его неотступного внимания.

Нет, то был не шум крови в его голове.

Кто-то настойчиво стучал в дверь.

ВЕРХОВНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД
4 марта 1936
КОРОЛЬ
против
ДЖЕЙМСА КЕПЛОНА АНСВЕЛЛА

Обвинение: преднамеренное убийство Эйвори Хьюма.
Судья: его честь Рэнкин.

Прокуроры: сэр Уолтер Шторм, К. Ю.¹ (генеральный прокурор), мистер Хантли Лоутон, мистер Джон Спрэгг.

Адвокат: сэр Генри Мерривейл, К. Ю.

Чертеж инспектора Моттрема с заметками

X — место, где найдено тело.

Ансвелл сидел в кресле Y.

Две стрелы остались висеть вплотную к стене над камином.

Боковая дверь, ведущая из коридора на бетонированную дорожку между домами, найдена закрытой, но не запертой на ключ. Скорее всего, это не имеет отношения к делу; задняя дверь тоже была не заперта.

Дверцы буфета в кабинете заперты, ключ от них найден в кармане покойного; однако буфет пуст. (?)

¹ *Королевский юрист* — адвокат или прокурор, чье право выступать в суде признается короной.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Достичь истинного примирения...»

— *Всем лицам, имеющим что-либо сообщить Верховному уголовному суду его величества, следует приблизиться и принять участие.*

— *Боже, храни короля и Верховный суд его величества.*

В зале заседаний номер один судья в красном¹ занимал свое место. В своей яркой мантии с черными полосами судья Рэнкин, человек невысокий и упитанный, выглядел еще ниже и дороднее. Однако двигался он с удивительным проворством. Под белоснежным париком, сидевшим на его голове не хуже настоящих волос, светилось здоровым румянцем округлое лицо. В небольших узких глазках, которые легко было представить сонными, сквозило настороженное внимание, что делало его похожим на директора школы.

Мы с Эвелин занимали привилегированные места позади юристов; помещение отсюда больше напоминало школьный класс, чем судебный зал заседаний. Даже столы были расставлены наподобие школьных парт. Выкрашенный в белый цвет высокий купол завершался стеклянной крышей, затуманенной влажным мартовским утром. Стены были обиты дубовыми панелями. Скрытые под карнизами электрические лампы отбрасывали на купол желтые отсветы, высветляя дубовую отделку стен и придавая прочим деревянным предметам в зале желтоватый оттенок. Возможно, сравнение со школьным классом приходило на ум благодаря царившей в помещении казенной чис-

¹ Судья Верховного суда, одного из высших судебных инстанций Англии и Уэльса, носит алую мантию с черными полосами. Прочие юристы одеты в черные мантии.

тоте, а может быть, виной тому было отсутствие спешки и суеты, как в движениях маятника старинных часов.

С наших мест лица барристеров¹ были не видны: лишь мантии и парики, несколько ярусом белых париков с кудряшками на кончиках. Будто школьники на уроке, они наклонялись друг к другу и о чем-то шептались. Слева от нас на возвышении располагалось место для подсудимого, в настоящий момент пустое. Прямо напротив, за длинным столом солиситоров², в глубине зала, стояли скамьи присяжных, рядом с ними — кабинка для свидетелей. Справа — массивные высокие кресла судей; над центральным креслом вертикально висел Меч Государства³.

Его честь судья Рэнкин поклонился публике на галерке, судебным чиновникам и присяжным заседателям (то были поясные поклоны, наподобие восточного приветствия). Два секретаря, сидящих за столом под судебским возвышением, одновременно развернулись лицом к судье и поклонились ему в ответ. Эти очень высокие мужчины в париках и мантиях настолько четко и слаженноотреагировали на движение судьи, что на какой-то миг события приобрели характер сценки из представления Панча и Джуди⁴. Затем все сели на свои места, и зал огласился покашливаниями. Судья Рэнкин занял место слева от Меча Государства (центральное кресло предназначалось для лорд-мэра или одного из олдерменов⁵). Нацепив очки в роговой оправе, он взял перо и разгладил широкие страницы большой тетради. Свет мартовского дня, проникавший сквозь стеклянную крышу, на несколько секунд сделался ярче, но вскоре опять потускнел. В зал привели обвиняемого.

Невозможно долго смотреть на обвиняемого в зале суда. Я, во всяком случае, не могу: начинаю чувствовать себя невольным свидетелем чужого несчастья. В тот раз мы с Эвелин уви-

¹ *Барристеры* — юристы, которые ведут судебные дела.

² *Солиситоры* — юристы, осуществляющие подготовку судебных материалов для ведения дел барристерами.

³ *Меч Государства* (англ. *Sword of State*) — одна из регалий короля, символ королевской власти.

⁴ *Панч и Джуди* — персонажи традиционного уличного кукольного театра.

⁵ *Олдермен* — в Англии член муниципального совета, иногда выступавший в роли судьи.

дела Ансвелла впервые. Он показался нам вполне приличным молодым человеком, который мало чем отличался от присутствующих в зале. Обвиняемый был прилично одет и тщательно выбрит, однако что-то в его облике давало понять, что его мало волнует происходящее. Он застыл на своем месте чуть ли не по стойке смирно. Позади нас расположились несколько любителей скандалов, чьи имена нередко упоминались в светских хрониках. В нашу сторону Ансвелл не смотрел. Когда был зачитан обвинительный акт, он ответил «невиновен» голосом неожиданно вызывающим. Далее последовали казенные формулы; судья, казалось, управлял ходом событий с помощью специальных жестов.

Присяжные заседатели начали произносить свою присягу:

— *Клянусь Всемогущим Господом, что буду добросовестно стараться достичь истинного примирения между нашим королем и обвиняемым, за которого отвечаю, и вынесу справедливый вердикт в соответствии с доказательствами.*

Зал суда по-прежнему невыносимо напоминал школьный класс, нет, хуже — кабинет самого директора. Обеспокоенная Эвелин, поглядывая на облаченные в черный шелк спины, прикрыла рот ладошкой и тихо произнесла:

— Кең, я не понимаю, почему Г. М. допустил это судебное заседание. То есть я знаю, что он постоянно на ножах с чиновниками; когда он встречается министра внутренних дел, у них почти доходит до драки... Но ведь он прекрасно ладит с полицией. Этот старший инспектор... Как его имя?..

— Мастерс?

— Да, Мастерс. Он следует советам Г. М. быстрее, чем приказам начальства. И если Г. М. может доказать невиновность Ансвелла, то почему он просто не выложил все полицейским, чтобы они закрыли дело?

Ответа я не знал. На эту тему Г. М. хранил несколько агрессивное молчание. Несмотря на то что барристеры сидели к нам спиной, было нетрудно разглядеть среди них Г. М. Его одинокая фигура располагалась на левом краю первой скамьи — локти выставлены далеко на стол, так что тело, облаченное в древнюю мантию, казалось еще шире. Его парик выглядел чрезвычайно нелепо. Справа на той же скамье о чем-то переговаривались пред-

ставители обвинения: сэр Уолтер Шторм, мистер Хантли Лоутон и мистер Джон Спрэгг. Их шепот невозможно было разобрать. Стол перед Г. М. оставался относительно пустым, чего нельзя было сказать о прокурорах: пространство перед ними было завалено книгами, стопками аккуратно отпечатанных документов, желтыми брошюрами с фотографиями, свежими розовыми промокашками. Каждая спина в зале, которую я мог наблюдать, была мрачна как могила, и все же я замечал (или мне так казалось) под привычной маской вежливого внимания, столь популярной в стенах Олд-Бейли¹, искренний интерес, сдобренный толикой иронии, всякий раз, когда кто-нибудь бросал взгляд в сторону Г. М.

Эвелин тоже замечала это и пребывала в ярости.

— Ему не следовало здесь появляться, — не сдавалась она. — Он подрабатывал адвокатом до войны, но Лоллипоп сказала мне, что Г. М. не надевал своей мантии вот уже пятнадцать лет; они просто *съедают его живьем*. Ты только посмотри на него, сидит там, будто пьяный в стельку! Если ему станут действовать на нервы, он обязательно сорвется, и ты прекрасно это знаешь.

Я должен был признать, что Г. М. далеко не безупречный кандидат на роль судебного защитника:

— Если не ошибаюсь, его последнее выступление в суде прошло не очень гладко. Впрочем, я разделяю мнение большинства свидетелей того процесса, что слова «итак, болваны» — не самое удачное обращение к присяжным заседателям. Однако, как ни странно, дело он выиграл.

Пока присяжные произносили свою клятву, в воздухе гудели голоса и скрипели стулья. Эвелин внимательно осмотрела помещение: в нем не осталось ни одного свободного места. На длинном столе солиситоров располагались вещественные доказательства, вложенные в аккуратные конверты или пакеты. Два особенно важных вещдока стояли отдельно, прислоненные к свидетельской кабинке; неподалеку от них застыл судебный стенографист. Затем Эвелин посмотрела на судью Рэнкина, восседавшего на своем месте с отрешенностью йога.

¹ *Олд-Бейли* — традиционное название Центрального уголовного суда; назван так в честь улицы, на которой находится.

— Судья выглядит... сурово.

— Он и правда суров. Говорят, Рэнкин — один из самых умных людей в Англии.

— В таком случае, если парень виновен... — Эвелин произнесла запрещенное слово и сразу осеклась. — Как думаешь, он это сделал?

В ее голосе появилась вкрадчивая нотка, с которой этот вопрос обычно звучал среди зрителей судебных заседаний. Честно говоря, я считал, что Ансвелл либо виновен, либо сошел с ума, либо и то и другое вместе. Я не сомневался в том, что его повесят. Уж он-то сделал для этого все, что было в его силах. Впрочем, размышлять о его вине было некогда. Последние из присяжных, включая двух женщин, без возражений принесли свои клятвы. Обвинительный акт был снова зачитан. Снова раздались покашливания. Наконец сэр Уолтер Шторм, исполняющий обязанности генерального прокурора, поднялся с места и открыл судебное разбирательство следующими словами:

— Ваша честь... Господа присяжные заседатели...

В воцарившейся тишине его звучный голос будто доносился из глубокого колодца. Вязаная макушка его парика появлялась перед нами всякий раз, как он вскидывал голову. Кажется, на протяжении всего заседания мы увидели его вытянутое лицо лишь один раз, когда он повернулся в нашу сторону, — красное, длинноносое, весьма примечательное на вид. Он был беспристрастен и неумолим, напоминая терпеливого директора школы, выговаривающего глуповатому ученику. Его речь, лишенная каких-либо эмоций, отличалась легкими модуляциями и прекрасной дикцией и походила на монолог театрального актера.

— Ваша честь... Господа присяжные заседатели... — произнес генеральный прокурор. — Подсудимый обвиняется в убийстве. Мой долг обязывает меня рассказать, какой линии будет придерживаться обвинение. Прошу не сомневаться в том, что выступающий в этой роли принимает ее весьма неохотно. Жертва преступления, сотрудник Банка столицы и округов, на протяжении многих лет пользовался всеобщим уважением; позже, если не ошибаюсь, он вошел в совет директоров. Подсудимый — отпрыск благородной семьи, получивший прекрасное образование

Карр Дж. Д.

К 26 Окно Иуды : романы / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. И. Иванченко, К. Красника, Н. Нестеровой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 704 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-25420-6

Золотой век детектива оставил немало звездных имен — А. Кристи, Г. К. Честертон, Г. Леру и др. В этой яркой плеяде Джон Диксон Карр (1906–1977) занимает самое почетное место. «Убийство в запертой комнате», где нет места бешеным погоням и перестрелкам, а круг подозреваемых максимально ограничен, — излюбленный прием автора. Карр заманивает читателя в сети ловко составленных ловушек, ложных подсказок, обманных ходов и тонких намеков и предлагает принять участие в решении хитроумной головоломки.

Вниманию читателей предлагается роман «Окно Иуды», один из самых известных в творчестве Карра, а также романы «Смерть в пяти коробках» и «Читатель предупрежден», в которых мы снова встретимся с обаятельным и эксцентричным сэром Генри Мерривейлом, по признанию критиков одним из самых неординарных сыщиков в детективной литературе. Все романы, включенные в настоящее издание, представлены в новых переводах.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКСОН КАРР
ОКНО ИУДЫ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Редактор Мария Выбурская
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Ирина Киселева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.11.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 43,12. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILD-34418-01-R